

Славяноведение, 2024, № 6, с. 85–99
Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 6, pp. 85–99

DOI: 10.31857/S0869544X24060077, EDN: XGQOAL

Оригинальная статья / Original Article

Языковая ситуация у македонцев, чехов и словаков в Воеводине (по материалам экспедиции 2023 г.)

© 2024 г. С.А. Борисов^{1,*}, Н.И. Кикило^{2,**}, В.А. Немчинов^{3,***}

¹Институт славяноведения Российской академии наук

²Институт славяноведения РАН; Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»

³Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

*borisovsergius@gmail.com

**kikilo.natalia@gmail.com

***vlad@gecko.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта РНФ № 20-78-10030
«Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций у нацио-
нальных меньшинств альпийско-паннонского региона»

Аннотация. В статье приводится обзор полевого исследования среди представителей македонского, чешского и словацкого миноритарных сообществ в Южно-Банатском и Южно-Бачском округах автономного Края Воеводина (Сербия), проводившегося в 2023 г. Македонское меньшинство составляют потомки переселенцев, приехавших в Воеводину в 1945–1948 гг. В статье приводится краткий анализ влияния сербского языка на лексическую систему переселенческого языка, грамматику, отмечены случаи переключения кода. Работа с чешским меньшинством проводилась в третий раз. Был расширен аудиоматериал, в частности, записаны примеры неофициальных топонимов, которые приводятся в статье. Были сделаны фотографии письменных документов на чешском языке: краткой хроники села и книги рецептов, которые планируется подробно изучить для выявления диалектных и контактных особенностей языка. В рамках экспедиции также была начата работа по изучению языка словацкого меньшинства. На материале интервью анализируются случаи переключения кода, метаязыковой рефлексии, делается вывод об отсутствии между чешским и словацким меньшинством в Сербии ситуации «пассивного билингвизма», которая наблюдается в современных Чехии и Словакии.

Ключевые слова: социолингвистика, языковая ситуация, Воеводина, переключение кода, македонцы, чехи, словаки.

Ссылка для цитирования: Борисов С.А., Кикило Н.И., Немчинов В.А. Языковая ситуация у македонцев, чехов и словаков в Воеводине (по материалам экспедиции 2023 г.) // Славяноведение. 2024. № 6. С. 85–99. DOI: 10.31857/S0869544X24060077, EDN: XGQOAL

The Linguistic Situation Among Macedonians, Czechs and Slovaks in Vojvodina (Based on Materials from the 2023 Expedition)

© 2024. Sergej A. Borisov^{1, *}, Natalia I. Kikilo^{2, **}, Vladislav A. Nemchinov^{3, ***}

¹Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences

² Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences; National Research
University Higher School of Economics

³Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

*borisovsergius@gmail.com

**kikilo.natalia@gmail.com

***vlad@gecko.ru

The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation project No. 20-78-10030 «Language and cultural contacts during the social transformations among national minorities in Alpine-Pannonian region»

Abstract. The article provides an overview of field research among representatives of the Macedonian, Czech and Slovak minority communities in the South Banat and South Bačka districts of the Autonomous Province of Vojvodina (Serbia), conducted in 2023. The Macedonian minority is made up of descendants of settlers who came to Vojvodina in 1945– 1948. The article provides a brief analysis of the influence of the Serbian language on the lexical system of the migrant idiom, grammar, and the abolition of code-switching features. Work with the Czech minority was carried out for the third time. The audio material was expanded, in particular, examples of unofficial toponyms were recorded, which are given in the article. Photographs were taken of written documents in the Czech language: a brief chronicle of the village and recipe books, which are planned to be studied in detail to identify dialect and contact features of the idiom. The expedition also began work on studying the language of the Slovak minority. Based on the interview material, cases of code switching and metalinguistic reflection are analyzed, and a conclusion is drawn about the absence of a situation of “passive bilingualism” between the Czech and Slovak minorities in Serbia, which is observed in modern Czech Republic and Slovakia.

Keywords: sociolinguistics, language situation, Vojvodina, code switching, Macedonians, Czechs, Slovaks.

For citation: Sergej A. Borisov, Natalia I. Kikilo, Vladislav A. Nemchinov. The Linguistic Situation Among Macedonians, Czechs and Slovaks in Vojvodina (Based on Materials from the 2023 Expedition) // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie, 2024. No. 6. P. 85–99. DOI: 10.31857/S0869544X24060077, EDN: XGQOAL

0. В августе–сентябре 2023 г. научный коллектив сотрудников Института славяноведения РАН проводил полевое социолингвистическое исследование среди представителей славянских меньшинств в автономном крае Воеводина в Сербии. Большая часть работы проходила в Южном Банате, также были обследованы населенные пункты в исторической области Бачка. Н.И. Кикило сосредоточилась на изучении языковой ситуации у македонского меньшинства, С.А. Борисов и В.А. Немчинов – у чехов и словаков.

I. Интервью с информантами, которые относят себя к представителям македонского меньшинства¹ и в разной степени владеют македонским языком (в

¹ По данным переписи 2022 г. в Воеводине проживает 7 021 македонец (Попис становништва 2023, 26). Изменение численности македонского населения в Южном Банате и в Республике Сербии в целом описаны в [Станковић 2004].

его литературном и/или диалектном варианте) проводились² в следующих населенных пунктах: община Панчево и входящие в нее села Ябука (серб. *Jabuka*, венг. *Torontálalmás*, нем. *Apfeldorf*), Качарево (серб. *Kačarevo*, нем. *Franzfeld*), Глогонь (серб. *Glogonj*, рум. *Glogoni*, нем. *Glogau*), а также село Пландиште (серб. *Plandište*, венг. *Zichyfalva*, нем. *Zichydorf*; рум. *Plandiște*) в одноименной общине.

Компактность ареала проживания македонских информантов связана с процессом колонизации Воеводины на основании Закона об аграрной реформе, которая проводилась в Югославии в 1945–1948 гг. [Гаћеша 1984, Ђурђев 1995]. В нем устанавливались лимиты конфискации земель у частных владельцев, церкви, банков, предприятий в пользу государства. Немалую часть экспроприированного фонда составляли плодородные земли проживавшего на территории Воеводины немецкого населения. Аграрная реформа распределяла половину новообразованного земельного фонда между беднейшими крестьянами, семьями бывших партизан и ветеранов войны, которые переселялись в Воеводину из малоземельных горных регионов, в том числе из НР Македонии [Гибианский 2011, 556]. Активная фаза колонизации длилась до начала 1948 г.; согласно данным В. Ачкоской [Ачкоска 1993, 90, 112], всего из НР Македонии по аграрной реформе в Воеводину было переселено 1 678 семей или 10 352 человека из сел общин Куманово, Крива-Паланка, Неготино, Прилеп, Струга, Мала-Преспа и др.; основной областью заселения стала община Панчево (1 143 семьи и 7 195 человек соответственно).

Информанты являются потомками переселенцев-колонистов, сохранивших в идиоме македонского языковые особенности диалекта материнского ареала. Однако степень владения языком миноритарного сообщества у информантов сильно разнится и зависит от многих экстраконфессиональных факторов, в том числе: а) на каком языке они общались внутри семьи; б) насколько тесными оставались контакты с родственниками из Македонии, как часто информанты возвращались в македонскую языковую среду; в) на каком языке получали среднее и высшее образование.

После завершения колонизации в трех селах общины Панчево Ябука, Качарево и Глогонь были открыты школы с общеобразовательной программой на македонском литературном языке, но уже к 1960-м годам остались только программы на мажоритарном сербском, поскольку, по словам информантов, родители предпочитали отдавать детей в сербские классы. Свидетельства подтверждаются данными И. Трифуноского [Trifunoski 1958, 21]: в с. Глогонь, в котором преобладали переселенцы из общины Куманово НР Македонии (кумановско-кратовский говор северномакедонского диалекта [Видоески 1999, 161], наиболее близкий из всех македонских говоров к сербскому диалектному континууму), преподавание на македонском было отменено по желанию родителей учеников еще в начале 1950-х годов, то же самое чуть позднее произошло и в с. Качарево. Непrestижность македонского среди представителей меньшинства показывает также социолингвистическое исследование С. Станковича [Станковић 2004, 43–45], проведенное в 1995 г. в с. Ябука, где большинство опрашиваемых высказалось за изучение основной школьной программы на сербском. В законе о начальном и среднем образовании в Республике Сербии указано, что преподавание на языке миноритарного сообщества ведется при

² Неоценимая поддержка в исследовании была оказана представительствами Национального совета македонцев в Р. Сербия, особую благодарность выражаем С. Крстичу, С. Найдовскому, Б. Соколовски.

группе более 15 человек, в противном случае программа реализуется на сербском, а миноритарный язык изучается в качестве факультативного³. Именно так сейчас преподается македонский язык с элементами народной культуры в начальных школах с. Ябука, Качарево и Глогонь, что не способствует сохранению языка среди молодого поколения македонской diáspory.

Интервью были посвящены историям переселения семей-колонистов, описанию их быта, обустройству дома, сохранению македонских традиций в первые годы колонизации, употреблению топонимов и этнонимов Воеводины, языковой биографии информантов. Было опрошено 22 представителя меньшинства в возрасте от 40 до 93 лет.

Билингвальное своеобразие македонцев-переселенцев в Южном Банате уже становилось объектом исследования, например [Станковић 2004], с фокусом на процессы интерференции двух близкородственных южнославянских языков:

а) в области именного склонения вслед за [Станковић, Лаборска 2015, 244] отмечаем прямое заимствование лексем из сербского, которые функционируют в синтагме по правилам македонского языка, в том числе присоединяют определенный artikel:

1.1. *Дедото добивал плац, па тој бил глава на породицата.* Получал участок дед, ведь он был главой семьи (ЗЖ, Качарево).

1.2. *Таму е ваздукот на триесет и осум степени.* Там воздух – 38 градусов (БС, Ябука).

1.3. *Швабите се промерани после ратот.* Немцев изгнали после войны (ММ, Ябука).

Также заимствованные лексемы имеют окончания множественного числа по македонской модели, например:

1.4. *Од куни имат лепи пари земано, од крзно.* На куницах они хорошие деньги делали, на мехе (СН, Качарево).

Регулярно встречается использование определенной формы прилагательного, характерной для сербского языка и нехарактерной для македонского:

1.5. *Има во Ябука тука кући задржани, не толку велики број ама...* В Ябуке еще сохранились те дома, не так много, но все же... (ММ, Ябука).

При этом наблюдается смешение македонских и сербских словообразовательных моделей, ср. серб *устанак* и макед. *востание*:

1.6. *Татко ми е од Крушево, од кај што е потекло на Иленденското устание.* Мой отец из Крушево, откуда взяло начало Илинденское восстание (БС, Ябука).

б) влияние сербского языка на македонский идиолект информантов просматривается в непоследовательном употреблении членной морфемы и разрушении грамматически маркированной категории определенности/неопределенности [Там же, 245; Бошњаковић 2008, 24]:

1.7. *Ама не е таа моја баба, не е моја баба, таја од дедо ми е втора жена.* Но она не моя бабка, не моя, она вторая жена моего деда (ЗЖ, Качарево).

1.8. *Кога се родив родители вообщито не беше венчани.* Я когда родился, родители вообще не были повенчаны (СН, Глогонь).

1.9. *Имали су воденицу, једна воденица, пример, Турците доађале на воденица.* У них была мельница, одна мельница, к примеру, и вот турки в эту мельницу захаживали (СН, Качарево).

³ Закон о среднем образованье и воспитанье.

Как следствие, определенный прямой объект теряет удвоение в структуре предложения, т.е. синтаксически не маркируется местоименной репризой-проклитикой, ср. макед. лит. *датумот ви го кажав* и пример информанта:

1.10. *Јас сум роден тука, датумот ви кажав, во Глогоњ.* Я родился здесь, дату я вам назвал, в Глогоне (СК, Глогоњ).

в) особенности смешения и переключения кодов [Бошњаковић 2008], последовательное использование сербских дискурсивных маркеров (или имеющих грамматическую форму по сербской модели) в нарративе на македонском языке:

1.11. *Не би никогаш дошол затоа што му одговарало таму. Мислим // на сите.* Он бы никогда не приехал сюда, потому что там его все устраивало. Думаю, как и всех (СН, Качарево).

1.12. *Не било лов за уживања него по потреба пре свега.* Охота не была развлечением, скорее охотились по нужде, прежде всего (СН, Качарево).

1.13. *Дојдена е една делегација, рецимо, во Јабука // една у Качарево.* Прибывает одна делегация, скажем, в Ябуку, еще одна – в Качарево (БС, Ябука).

1.14. *И онда тој за да ја излечи од тој инает, ја носи во една колиба кај што живеат ѓаволи. И онда таа оди таму и живее со еден ѓавол, и ѓаволот има нервни слом од таа жена.* И тогда он, чтобы излечить жену от упрямства, отводит ее в одну избу, где живут черти. И тогда она приходит туда и живет с чертом, и доводит черта до нервного срыва (ЗМ, Панчево).

г) в македонском языке глагольные *л-формы* типа *дошол* «пришел» являются как перфектными, так и эвиденциальными показателями, с помощью которых говорящий маркирует информацию, полученную опосредованно, не путем собственного наблюдения, чаще – с чужих слов [Усикова 2003, 217–218], ср. мак. лит.: *Ми се јави Санја, доцни бидејќи спиела.* Мне позвонила Саня, она опаздывает, потому что спала.

В сербском языке *л-формы* имеют значение претерита (завершенного действия в прошлом) [Стевановић 1989, 605], поэтому сербская система глагольных значений оказывает влияние на непоследовательное употребление эвиденциальных форм в македонских нарративах у тех информантов, в чьем идиолекте данная категория ожидаема. В следующем примере информант, идиолект которого был сформирован центральными говорами с. Богомила и с. Ореше Велешского региона, рассказывает о своем дяде, его судьбе. В его речи аористные и имперфектные претеритные формы чередуются с *л-формами*:

1.15. *После стрико ми се врати во Македонија. Купил плац во Битола, беше врвен еден мајстор, беше алатничар и работеше во оваја (...)* прва ударничка фабрика. Потом дядя вернулся в Македонию. Купил участок в Битоле, он был настоящим мастером, изготавливал инструменты и работал на той (...) первой ударной фабрике (ЗЖ, Качарево).

Предположительно, *л-форма* «купил» под влиянием сербского получает несвойственное ей в македонском значение завершенного действия в прошлом, наподобие македонских свидетельских форм аориста *се врати* ‘вернулся’ и имперфекта *беше* ‘был’, *работеше* ‘работал’.

Влияние сербского языка как мажоритарного на идиолект македонцев в сообществах Воеводины не ограничивается обозначенными тенденциями, последующая статистическая обработка устного корпуса текстов покажет точнее, какие изменения претерпевает македонский язык, обладающим высоким индексом «балканализации», в тесном контакте с балканализированным в меньшей степени сербским диалектным окружением на территории Воеводины.

II. Полевое исследование среди чехов в Воеводине проводилось коллективом в третий раз⁴. Основной целью этой части экспедиции являлось расширение аудиоматериала за счет записи в раннее посещенных селах интервью с использованием обновленного опросника – Крушчица (серб. *Kruščica*, чеш. *Kruščice*, нем. *Kruschitz*), Чешко-Село (серб. *Češko Selo*, чеш. *České sело / Ablián*, венг. *Csehfalva*), а также за счет обследования населенного пункта Гай (серб. *Gaj*, чеш. *Gáj*), в котором авторы проводили беседу с информантами впервые. Помимо вопросов, посвященных истории переселений чехов в Воеводину, событиям религиозного и семейного цикла, сфере употребления миноритарного языка, которые всегда включаются членами коллектива в опросник для изучаемых меньшинств, особое внимание также уделялось, например, фиксации топонимов в той форме, в которой информанты употребляют их в спонтанной речи. В целях изучения топонимов также были сделаны фотографии ранее не задокументированных табличек с названиями населенных пунктов. Всего было записано 9,5 часов интервью с восемью представителями чешского меньшинства в возрасте от 52 до 75 лет.

Чешко-Село и Крушчица расположены на этнокультурном пограничье: к востоку находится граница с Румынией, к северу и западу – населенные пункты, в которых проживают венгры (Добричево) и румыны (Страже), к югу – Дунай, являющийся границей Воеводины. В сознании информантов также жива память о проживавших на этих территориях до Второй мировой войны немцах. По этой причине исследователей интересовали приграничные нарративы и то, какие топонимы и гидронимы используют представители меньшинства при назывании объектов ближнего круга. В этом плане особенно иллюстративным был следующий нарратив информанта из Чешко-Село:

2.1. – *Viš, jak tejka z druhix vesničci sem strkaje? Xteji e-e xteji pole, a u nas, u nas nejmiň roťi. U nas je nejho(r)ši zem. Červena Cirkef, Jasenovo, fšix, šíxni maji lepči zem. Kruščic, mi, tadi Soboti tu (U)svajsaláš. U níx uš je to troxi jinači. Protože oni sou (h) níš. Protuze voda teče s Kruščic. Teče sem a teče do toho Karaše, jak ste ho přejeli. Jestli ste si fšimli to, jestli ste se spustili se Stráže, s toho vršku <...> tak to je ten Karaš. A to teče i přez Utvajsalaš...*

– *Dobričovo.*

– ... i-i-i *Soboti-i-i-ic* i nevím, že jo, pak teče do, za *Jasenovem* jde do *Duplaje* i pak sem e-e ulejva do toho e-e-e, teče do toho kanálu. *Kanal DeTeDe*, a ten kanal do *Dunaje* <...>. U *Palanki* jesi tam bude ten <...> ta potom de ta skela. Přez *Dunaj* do *Ramu tam*, do do *Srbije*. *Tam to je Srbija tuto je Vojvod'ina*. Nebo tuto je *Severna Srbija* a tam to je *Zapadna Srbija*⁵.

– Знаешь, как сейчас из других деревень сюда протискиваются? Они хотят, хотят поля, а у нас, у нас меньше всего рождается. У нас самая плохая земля. Црвена-Црква, Ясеново, у всех земля лучше. Крушчица, мы, здесь Банатска-Суботица, (*U)svajsaláš* (Добричево). У них немного по-другому. Потому что они ниже. Потому что вода стекает из Крушчицы. Она стекает сюда, стекает

⁴ О предыдущих экспедициях см. [Борисов 2021б; Борисов 2023], где кратко описана современная языковая ситуация у чехов в Воеводине. Актуальное количество представителей чешского меньшинства в Сербии – 1 317 чел. (Становништво према националној припадности).

⁵ Для записи нарративов на чешском и словацком языке используется упрощенная диалектологическая транскрипция. Глухой велярный спирант обозначен символом *x*. В скобках даются нечетко произнесенные звуки. Отрывки на сербском языке приводятся в стандартной латинской сербохорватской орфографии. Реплики исследователей приводятся в стандартной орфографии соответствующего языка.

в Карапш, который вы пересекли. Если вы заметили, если вы спустились от Стражи, с того холма, то это тот самый Карапш. Он течет и через *Utvajsalaš* (Добричево)...

— Добричево.

— ... и (Банатска-)Суботицу, и не знаю, потом течет, за Ясеново идет к Дунайле и там вливается, течет в канал. Канал ДТД⁶, а там этот канал — в Дунай. У Паланки, там будет, будет паром. Через Дунай в Рам, туда, в Сербию. Там это Сербия, а здесь Воеводина. Или же здесь Северная Сербия, а там — это Западная Сербия (ЙБ, МБ, Чешко-Село).

Были отмечены следующие формы, отличающиеся от официальных топонимов: *Červena Cirkef* — калькированная форма серб. *Crvena Crkva*; *Krušić*, *s Krušić*⁷ — фонетический вариант нем. *Kruschiz*; *Soboři*, *Sobořic* — фонетический вариант серб. *Subotica* (*Banatska Subotica*, венг. *Krassószombat*); (*U)svajsalaš*, *Utvajsalaš* — фонетические варианты венг. *Udvarszállás* (серб. *Dobričevo*). При анализе раннее записанных интервью нами уже отмечалось частое употребление немецких вариантов топонимов *Krušić* и *Vajskirx* (от нем. *Weißkirchen* — город *Bela Crkva*) [Борисов 2021а, 74–75; Борисов 2023, 235–236]. Примечательно, что топоним Црвена-Црква получает чешское звучание через калькирование. Для аналогичного по форме топонима Бела-Црква нам встречались варианты *do Bilej Crkvi*, *Bilej Kostel* [Борисов 2023, 235–236]. В селе Добричево венгры составляют большинство (по данным переписи 2002 г.⁸ — 88,5 %), что обуславливает использование информантом варианта топонима *Udvarszállás*. При этом вторая информантка, осознавая, что собеседники, не проживающие в регионе (в данном случае, исследователи), могут не знать этого названия, приводит сербский вариант (подробнее о дискурсивных стратегиях см. [Борисов, Пилипенко 2020]). С этнокультурной точки зрения интересно то, как в сознании информантов сохраняется противопоставление Воеводины — входившей в состав Австрийской (Австро-Венгерской) империи и имевшей значительную автономию в составе новых государств, образовавшихся в XX в., — и Сербии к югу от Дуная, которая до получения Сербией независимости в XIX в. входила в состав Османской империи: *Tam to je Srbija, tuto je Vojvodina*.

Помимо записанного аудиоматериала в распоряжении исследователей оказались образцы так называемого «наивного письма». У одной из собеседниц мы сфотографировали 50 страниц краткой хроники села Крушчица на чешском языке, часть которой она переписала из документа, хранящегося в местной церкви, а другую писала сама. Также мы сфотографировали более 400 страниц из ее книг рецептов на чешском и сербском языках. Наша информантка, родившаяся в Крушчице в 1940-х годах, закончила восемь классов школы, где обучение проходило в основном на сербском языке, а чешский преподавали только в первых двух классах. Она использует чешский язык в общении с родственниками, живущими в Чехии, в коммуникации внутри миноритарного сообщества, активно слушает и читает СМИ на чешском языке. Для примера приведем отрывок рецепта рогаликов с салом:

⁶ Канал Дунай — Тиса — Дунай.

⁷ Фонетический вариант, происходящий от неадаптированного *Kruschiz*, обычно не склоняется, что фиксировалось нами и в беседах с другими информантами в Южном Банате. Зафиксированное в речи ЙБ колебание долготы *Krušić/Krušć*, возможно, носит нефонемный характер.

⁸ Попис становнишства 2003, 32. В более поздних переписях отсутствуют данные по национальному составу отдельных населенных пунктов.

2.2. **KIFLICE SA SALOM / Za 5 din. kvasnic dat do mlíka 55 d. mouki pomichat ze žici sadla přidat 2 žice cukru žičku sole 2 žloutki i kvasnice všechni zamichat ze mlíkem zadělat trochu tvrči jako za običnou buchtu...**

[РОГАЛИКИ С САЛОМ / Дрожжи за 5 динар добавить в молоко, 550 г муки перемешать с ложкой сала⁹, добавить 2 ложки сахара, ложку соли, 2 желтка и дрожжи, все перемешать с молоком, замесить потверже, как для обычной булки...]

Переключение кода наблюдается в названии, которое, в отличие от текста рецепта, приведено по-сербски: *kiflice sa salom* ‘рогалики с салом’. В самом тексте употребляются преимущественно чешские лексемы, включая слово *sadlo* (чеш. лит. *sádlo*) ‘сало’, ‘смалец’.

III. Словацкий язык как язык диаспоры в Сербии¹⁰ прежде становился предметом изучения таких исследователей, как Д. Дудок [Dudok 1996], М. Дудок [Dudok 2008], А. Ференчикова [Ferenčíková 2014], Ю. Гловня [Glovňa 2018], М. Грибова [Hříbová 2022] и др. Авторский коллектив в рамках экспедиции 2023 г. проводил полевое исследование словацкого меньшинства в Воеводине впервые¹¹. Были обследованы населенные пункты в Южно-Банатском округе: Войловица (серб./словацк. *Vojlovica*, административно относящийся к Панчево), Ковачица (серб./словацк. *Kovačica*), Хайдучица (серб. *Hajdučica*, словацк. *Hajdušica*), Яношик (серб. *Janošik*, словацк. *Jánošík*); и в Южно-Бачском округе: Бачки-Петровац (серб. *Bački Petrovac*, словацк. *Báčsky Petrovec*), Нови-Сад (серб. *Novi Sad*, словацк. *Nový Sad*).

Переселение словаков на территорию современной Воеводины стало следствием миграционных процессов в направлении южных территорий Венгрии, начавшихся в XVIII в. В 1740-х годах словацкие колонисты селятся в Петровице в области Бачка (совр. Бачки-Петровац). В последующие годы (на рубеже XVIII–XIX вв.) словаки заселяют Срем и Южный Банат. В районе Войловицы колонисты появляются в 60–80-х годах XIX в.

Словацкий язык называют родным 38 584 чел.¹² Что касается получения основного образования на словацком языке, школьные учителя отмечают, что если десять лет назад в словацких классах обучалось около 3 400 учеников, то на сегодняшний день их количество составляет примерно 2 400 человек. Существуют также отделения с преподаванием на словацком языке в гимназиях в Ковачице, Бачки-Петроваце и Нови-Саде [Đorđević 2023].

В Войловице исследовали посетили приход Словацкой евангелической церкви Аугсбургского вероисповедания в Сербии (словац. *Slovenská evanjelická augsburského vyznania cirkev v Srbsku*), где состоялась беседа с пастором Екатериной Прейман и прихожанами церкви. Также интервью проводились в словацком культурном обществе «Детван» (словац. *Detvan*, серб. *Đetvan*), члены которого занимаются постановкой народных танцев и сцен на сюжеты

⁹ Имеется в виду топленое сало – смалец.

¹⁰ По данным переписи населения 2022 г. в Сербии проживает 41 730 представителей словацкого национального меньшинства. При этом большая часть (39 807) – на территории автономного края Воеводина (Попис становништва 2023, 27), что делает их третьей по численности национальностью в крае после сербов и венгров. Словацкий язык носит статус официального в 12 муниципалитетах (общинах) Воеводины (Језици и писма у службеној употреби).

¹¹ Авторы выражают благодарность за неоценимую помощь в исследовании пастору Екатерине Прейман (Войловица), члену общества «Детван» Михалу Калмару (Войловица), члену общества «Детван» и актрисе Словацкого воеводинского театра Катарине Калмар (Войловица, Бачки-Петровац), владельцам галерей наивного искусства Яну Чеху и Павлу Бабке (Ковачица).

¹² Становништво према матерњем језику.

традиционной культуры (например, словацкая свадьба) в рамках национальных фестивалей, различными ремеслами, среди которых, например, вышивка¹³, роспись утвари. В селе Ковачица, которое является центром словацкого наивного искусства в Сербии, авторы посетили две галереи и провели интервью с их владельцами. В Бачки-Петроваце авторы по приглашению участников театрального фестиваля побывали в Словакском воеводинском театре (серб. *Slovačko vojvođansko pozorište*, словацк. *Slovenské vojvodinské divadlo*) и присутствовали на репетиции спектакля, который готовился для фестиваля. В селе Яношик (серб. *Janošik*, словацк. *Jánošík*) исследователи посетили традиционный словацкий дом, в котором устроена музейная экспозиция.

Общая длительность записанных интервью составила 19 часов. Также было сделано несколько видеозаписей, в частности репетиции спектакля. В посещенных населенных пунктах сделаны фотографии, отображающие языковой ландшафт (указатели, вывески, объявления на словацком языке), задокументированы надписи на надгробных памятниках в Войловице, Ковачице и Бачки-Петроваце.

Надписи на надгробных памятниках в большинстве случаев имеют двухчастную структуру. Антроним (имя, фамилию) и годы жизни усопшего (усопших) обрамляет сопроводительная надпись, которая может содержать следующие элементы (были зафиксированы их различные комбинации): вводное клише по типу «здесь покоятся», цитаты из Евангелия и Псалтири, слова скорби, указание на родственников, установивших памятник. Эпитафии на словацком языке показывают высокую графико-орфографическую вариативность, и их анализ в сопоставлении с языковым материалом записанных аудиоинтервью позволяет сделать дополнительные и более точные выводы о проявляющихся в миноритарном идиоме диалектных чертах с одной стороны и об интенсивности процессов ассимиляции – с другой¹⁴. Приведем пример подробной надписи:

3.1. *TU-ODPOČÍVA KRISTU PANU / MÍŠO-KOLÁRIK / NAROĐENI 1901 A ZOMREL 1977 / EVA-KOLÁRIK / NAROĐENÁ 1903 A ZOMRELA 2000 / ČO BOCH ČÍNÍ VŠE DOBRE JEST / SVATÁ JE VOLA JENO (sic!) / TENTO POMNIK PODVILHA MANŽELKA / Z ĐETKAMI* (Здесь покоятся у Христа Господа / Мишо Коларик / родился (в) 1901, а умер (в) 1977 / Эва Коларик / родилась (в) 1903, а умерла (в) 2000 / Что Бог совершает – все есть хорошо / свята воля Его / Этот памятник воздвигла супруга / с детьми).

Ввиду ограниченности объема статьи мы не приводим здесь подробный анализ всех обнаруженных графико-орфографических черт, однако отметим то, как в надписи отображается палатальный [d̪] перед гласным переднего ряда [e] (*NAROĐENI*, *NAROĐENÁ*) и перед дифтонгом [ie] (*ĐETKAMI*). Буква *đ*, использующаяся в сербской и хорватской латинице, обозначает в этих языках звонкую палатальную аффрикату [d̪z]. В переселенческих словацких идиомах на территории Воеводины действительно фиксируется ассимиляция палатальных [d̪] и [t̪], однако она присутствовала в речи лишь некоторых наших информантов. В (3.1) буква *Đ* имеет модифицированный вид: над ней также

¹³ Надписи, вышитые на полотенцах, также становятся объектом изучения социолингвистов в этнически смешанных регионах, см. [Березнев 2023, 153–154].

¹⁴ Об изучении надписей на надгробных памятниках в этнически смешанных населенных пунктах в Словакии см. [Вашченко 2020].

располагается гачек (ˇ)¹⁵, что позволяет сделать предположение о том, что так автор надписи хотел обозначить лишь мягкость [d̥], а не шипящее произношение [dʒ]. С другой стороны, носители сербского языка, по-видимому, при употреблении лексем словацкого языка действительно на месте [d̥] произносят аффрикату, так как название словацкого культурно-просветительского общества в Войловице «Детван» (ср. словац. *Detvan* [d̥etvan]) на сфотографированной у входа табличке на сербском языке передано как *Бетван*.

Были проведены и записаны в аудиоформате интервью с 20 представителями словацкого меньшинства в возрасте от 29 до 80 лет. Основными темами бесед были: история переселения словаков в Воеводину, обряды календарного и семейного цикла, традиционные ремесла словаков, наивное искусство, особенности взаимоотношений с представителями других этноконфессиональных групп, образование на миноритарном языке. Интервью проводились на словацком языке, а случаи переключения на сербский язык были преимущественно коммуникативно обоснованы. Все словаки, проживающие на территории Воеводины и использующие словацкий язык в качестве L1, владеют также сербским как L2, поэтому такое функциональное переключение не вызывает сложностей. Так, например, во время одного интервью (3.2) информантка обратилась на словацком языке к участнице исследовательской группы, не владеющей словацким языком, после чего, отметив коммуникативную неудачу, быстро и осознанно перешла на сербский язык.

3.2. БГ: *Povedz' e vi tňe, ja teraz bud' em troxa bezobrezna, sked'e sťe vi?*

HK¹⁶: *Mogu samo na srpskom.*

БГ: *A na srpskom može, recite!*

HK: *Odkud sam ja?*

БГ: *Odakle ste vi?*

HK: *Mi smo iz Moskve.*

– Скажите мне, я сейчас буду немного нетактична, откуда вы?

– Я могу только на сербском.

– А можно и на сербском, говорите!

– Откуда я?

– Откуда вы?

– Мы из Москвы. (БГ, Хайдучица)

Говоры переселенцев, прибывших в XVIII в. на территорию современной Воеводины, различались в зависимости от населенных пунктов, из которых пришли конкретные семьи, однако в основном это были южные говоры среднесловацкого диалекта [Glovňa 2018, 87]. В силу длительного изолированного существования, а также вследствие процессов внутренней миграции и языковых контактов с другими языковыми группами, словацкие идиомы в различных областях Воеводины и даже в отдельных селах приобрели уникальные черты, так что сегодня их невозможно соотнести с каким-либо конкретным диалектом на исходной словацкой территории [Dudok 1996, 122].

Информанты при общении с исследователями часто сами комментировали формы конкретных лексем, а также фонетические особенности, характерные для идиома их населенного пункта в сравнении с идиомом другого населенного пункта (3.3, 3.4) или с литературным словацким языком (3.4).

¹⁵ В тексте статьи гачек расположен правее буквы *D* для облегчения набора. На памятнике он находится точно над буквой.

¹⁶ HK – Наталья Кикило.

3.3. МГ: *Ale čuli st'e, ako zaujimave, bud'eťe vid'eť teras, napriklat tuto v Vojlovici st'e boli, oňi napriklat...*

БГ: *Sve na «l».*

МГ: *No, «vela».*

БГ: *Ako «vela», «vela». Mi poeme «vel'a». A oňi vravia «vela». A što je sad «vela»?*

МГ: *No, jesto dost već tix lokalňix virazow, napriklat vol'agd'e sa použiva takto, aj medzi d'ed'inami je, slovenskim d'ed'inami, je zasek ine. W Janošiku povedia napriklad za vołake veci, za kokoric sa povia ako «šrot».* (БГ, МГ, Хайдучица).

– Но вы слышали, интересно, вы увидите теперь, например, здесь в Войловице вы были, они, например...

– (У них) все с (твёрдым) «л».

– Да, *vela*¹⁷.

– Как *vela*, *vela*. Мы говорим *vel'a*. А они говорят *vela*. А что это за *vela*?

– Да, много таких местных выражений, например кое-где используется, даже между деревнями, словацкими деревнями, по-разному. В Яношике говорят, например, про какие-нибудь вещи, про кукурузу говорят *šrot*¹⁸.

3.4. МК: *Tu je bola na pohrobe.*

МЧ: *Vid'el som ju na pohrobe, ale teras nevid'el som.*

МК: *Dñež zme mali pohrop. Pohrep. Po slovenski mi tu vravime, vid'iš. Mi vravime vo Vojlovici pohrop, ale slovenski je pohrep. Tagže jesto taki vírazi, čo... A cintorin je po slovenski, a tu fšeci každi vo Vojlovici t'i poví cinterin.*

– Она была здесь, на похоронах.

– Я видел ее на похоронах, но сейчас не видел.

– Сегодня у нас были похороны. Похороны. По-словацки мы здесь говорим, видишь. Мы говорим в Войловице *pohrob*¹⁹, но по-словацки это *pohreb*. Так что есть такие выражения, которые... А *cintorin*²⁰ – это по-словацки, а здесь все, каждый в Войловице тебе скажет *cinterin*.

В (3.4) также было отмечено нехарактерное для словацкого языка употребление связи 3 л. *je* в перфекте, что мы трактуем как контактную особенность, возникшую под влиянием сербского языка.

В современных Чехии и Словакии констатируется «пассивный билингвизм», благодаря которому носители чешского и словацкого языка способны понимать друг друга [Nábělková 2000, 105–106]. Его развитию способствовали в том числе миграции населения внутри Чехословакии в XX в., использование обоих языков в СМИ. Однако словацкие и чешские крестьяне мигрировали в XVIII–XIX вв. из регионов, где отсутствовали контакты этих двух этносов, они селились в разных областях Воеводины, различались их конфессии (чехи в Воеводине в основном католики, словаки – протестанты евангелисты). Воеводинские словацкие и чехи живут изолированно друг от друга и, по словам наших собеседников, практически никак не контактируют даже на фольклорных фестивалях. По этой причине упомянутый взаимный «пассивный билингвизм» не актуален для языковой ситуации чехов и словаков в Сербии. При этом при попытке исследователя заговорить с представителем словацкого меньшинства на чешском языке, тот понимал содержание обращенной к нему речи, но выражал опасение, что коммуникация не состоится.

¹⁷ Словацк. *vel'a*, ‘много’.

¹⁸ Словацк. *šrot* ‘зерно крупного помола’.

¹⁹ Словацк. *pohreb* ‘похороны’.

²⁰ Словацк. *cintorín* ‘кладбище’.

3.5. СБ²¹: *Ja bych, kdybyste nebyl proti, česky...*

МК: *To ja ſeviem, ſeviem.*

СБ: *Ne, nebudeſte rozumět?*

МК: *A možno bi ſom rozumel, ale mi nebudeſe...*

<...>

СБ: *Ale mě zajímá, abyste mluvil slovensky.*

МК: *No dobre, probujme tak. Ti česki, ja slovenski, a pokiaľ ſtihňem...*

— Я бы, если Вы не против, по-чешски...

— Это я не умею, не умею.

— Нет, не будете понимать?

— Может быть, я и пойму, но мне не будет...

— Но мне интересно, чтобы Вы говорили по-словацки.

— Ну, хорошо, давай попробуем так. Ты по-чешски, я по-словацки, и если получится... (МК, Войловица).

Выводы

Одна из социолингвистических особенностей македонского как языка миноритарного сообщества в Воеводине заключается в том, что он не является языком повседневной коммуникации внутри македонской диаспоры, предпочтение отдается сербскому. По этой причине у многих представителей македонского меньшинства, если они говорят на македонском, возникают трудности при переключении кода. После перехода на сербский язык многие из наших информантов впоследствии испытывали затруднения с продолжением беседы по-македонски. Также владение македонским не считается главным условием включения в диаспору, т.е. необязательно говорить на македонском, чтобы считать себя македонцем. В этом состоит его отличие от чешских и словацких сообществ региона, где миноритарный язык остается основным средством общения и одним из основных факторов самоидентификации для его носителей.

Планируется расшифровка и анализ всего записанного аудиоматериала с точки зрения фонетики, лексики и грамматики изучаемых идиомов. Отмеченные явления будут сопоставляться с материалом говоров областей, из которых происходили миграции, а также анализироваться с точки зрения контактов с языком окружения и другими миноритарными языками. На рукописном материале, полученном в Крушчице, планируется изучить, как на письме проявляются особенности местного чешского идиома, а также проанализировать случаи переключения кода (о значимости «эго-документов» для социолингвистических исследований см., напр. [Лагно, Пилипенко 2021]). Будет также продолжена работа по расшифровке надписей на надгробных памятниках и созданию эпиграфической базы данных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Језици и писма у службеној употреби у статутима градова и општина на територији АП Војводине. Нови Сад, 01.09.2022. године // Покрајински секретаријат за образовање, прописе, управу и националне мањине – националне заједнице. URL: <https://www.puma.vojvodina.gov.rs/mapa.php> (дата обращения: 01.02.2024).

Закон о средњем образовању и васпитању: 55/2013-15, 101/2017-19, 27/2018-3 (др. закон), 6/2020-24, 52/2021-3, 129/2021-9 (др. закон), 129/2021-15, 92/2023-338. URL: <https://www>.

²¹ СБ – Сергей Борисов.

pravno-informacioni-sistem.rs/SIGlasnikPortal/eli/rep/sgrs/skupstina/zakon/2013/55/2/reg (дата обращения: 01.02.2024).

Попис становништва, домаћинства и станова 2022. године. Национална припадност. Подаци по општинама и градовима / директор М. Ковачевић. Београд: Републички завод за статистику, 2023.

Попис становништва, домаћинства и станова у 2002. Становништво. Национална или етничка припадност. Подаци по насељима / директор З. Јанчић. Београд: Републички завод за статистику, 2003.

Претрага десеминационе базе. Становништво према националној припадности // Република Србија. Републички завод за статистику. URL: <https://data.stat.gov.rs/Home/Result/3104020102?languageCode=sr-Cyril&displayMode=table> (дата обращения: 01.02.2024).

Претрага десеминационе базе. Становништво према матерњем језику // Република Србија. Републички завод за статистику. URL: <https://data.stat.gov.rs/Home/Result/3104020302?languageCode=sr-Cyril&displayMode=table> (дата обращения: 01.02.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ачкоска В.* Аграрот и селото во Македонија 1945–1955 година. Докторска дисертација. Скопје, 1993. 355 с.
- Березнев В.И.* Языковая ситуация у национальных меньшинств Сербии (АК Воеводина) и Боснии и Герцеговины (по материалам экспедиции 2023 г.) // Славянский мир: общность и многообразие. Материалы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 23–24 мая 2023 г. / отв. ред. Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова. М: Институт славяноведения РАН, 2023. С. 151–158.
- Борисов С.А.* Контактные явления в языке этнических чехов сербского Баната // Славяноведение. 2021а. № 3. С. 64–79.
- Борисов С.А.* Чешский язык в полиэтничном окружении (обзор полевого исследования 2019 года в Сербии, Румынии, Боснии и Герцеговине) // Славянский альманах. 2021б. № 1–2. С. 310–328.
- Борисов С.А.* Чехи среди сербов и хорватов: обзор социолингвистической экспедиции 2022 г. // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 231–248.
- Борисов С.А., Пилипенко Г.П.* Чешско-сербско-румынские языковые контакты в румынском Банате на материале полевого исследования // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 459. С. 15–26.
- Бошњаковић Ж.* Карактеристике македонско-српског билингвизма // Јужнословенски филолог LXIV. Београд: САНУ, 2008. С. 21–33.
- Ващенко Д.Ю.* К специфике варьирования в структуре надгробных надписей у градишанских хорватов Южной Словакии и Венгрии (по материалам полевых исследований) // Slavica Slovaca. 2020. Р. 55. С. 3. С. 359–367.
- Видоески Б.* Дијалектите на македонскиот јазик. Т. 2. Скопје: МАНУ, 1999. 250 с.
- Гајеша Н.* Аграрна реформа и колонизација у Југославији, 1945–1948. Нови Сад: Матица Српска, 1984. 403 с.
- Гибианский Л.Я.* По советскому образцу: первые годы коммунистического правления // Югославия в XX веке: Очерки политической истории / отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Индрик, 2011. С. 525–566.
- Ђурђев Б.* Послератно насељавање Војводине: методи и резултати демографске анализе насељавања Војводине у периоду 1945–1981. Нови Сад, Матица српска, 1995. 203 с.
- Лагно А.Р., Пилипенко Г.П.* Дневник жителя Галиции Степана Федоровича Лагно как объект историко-лингвистического анализа // Центральноевропейские исследования, 2021. Вып. 4(13) / гл. ред. О.В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 359–387.
- Станковић С.* Македонци и Македонски језик у Републици Србији – Pro et Contra // Скривене мањине на Балкану (ур. Б. Сикимић). Београд: САНУ, 2004. С. 41–50.
- Станковић С., Лаброска В.* За српско-македонската језична интерференција на морфосинтаксичко размиште кај Македонците во јужен Банат // Путевима српских идиома: зборник у част проф. Радивоју Младеновићу поводом 65. рођендана. Крагујевац, 2015. С. 241–253.
- Стевановић М.* Савремени српскохрватски језик. (граматички системи и књижевнојезична норма). Књ. II: Синтакса. Београд: Научна књига, 1989. 942 с.

- Усикова Р.П. Грамматика македонского литературного языка. М.: Муравей, 2003. 376 с.
- Dorđević S. Poluprazne klupe u slovačkim odeljenjima // Storyteller, 05.09.2023. URL: <https://www.storyteller.rs/sr/poluprazne-klupe-u-slovackim-odeljenjima/> (дата обращения: 01.02.2024).
- Dudok D. O slovenskom jazyku v Juhoslávii. Vedecké zošity. Báčsky Petrovec: Kultúra, 1996. 202 s.
- Dudok M. Zachránený jazyk. State o enklávnej a diasporálnej slovenčine. Nadlak: Vydatelstvo Ivan Krasko, 2008. 205 s.
- Ferenčíková A. Poznámky o fungovaní predložky za v slovenských nárečiach vo Vojvodine // Godišnjak za srpski jezik Filozofskog fakulteta u Nišu, 2014. R. 25. Č. 13. S. 601–606.
- Glovňa J. Stav vojvodinskej slovenčiny ako enklávneho jazyka // Slavica Slovaca. 2018. R. 53. Č. 3–4. S. 86–93.
- Nábělková M. Rozdelenie a «vzdaľovanie»: niekoľko pohľadov // Česko-slovenská vzájemnosť a nevzájemnosť / I. Pospíšil, M. Zelenka. 1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 2000. S. 104–112.
- Trifunoski J. O posleratnom naseljavanju stanovništva iz NR Makedonije u tri banatska naselja – Jabuka Kačarevo i Glogonj. Novi Sad: Matica srpska, 1958. 43 s.

Рукопись поступила в редакцию 10.02.2024

Рукопись принята к печати 29.03.2024

REFERENCES

- Ačkoska V. *Agrarot i seloto vo Makedonija 1945–1955 godina*. Doktorska disertacija. Skopje, 1993, 355 p. (In Maced.)
- Bereznev V.I. Iazykovaia situatsiia u natsional'nykh men'shinstv Serbii (AK Vojevodina) i Bosnii i Gertsegoviny (po materialam ekspeditsii 2023 g.). *Slavianskii mir: obshchnost' i mnogoobrazije. Materialy konferentsii molodykh uchenykh v ramkakh Dnei slavianskoi pis'mennosti i kul'tury. 23–24 maja 2023 g.*, eds. Je.S. Uzenëva, O.V. Khavanova. Moscow, Institut slavianovedeniia RAN Publ., 2023, pp. 151–158. (In Russ.)
- Borisov S.A. Kontaktnye iavleniya v iazyke etnicheskikh chekhov serbskogo Banata. *Slavianovedenie*, 2021a, no. 3, pp. 64–79. (In Russ.)
- Borisov S.A. Cheshskii iazyk v polietnichnom okruzhenii (obzor polevogo issledovaniia 2019 goda v Serbii, Rumynii, Bosnii i Gertsegovine). *Slavianskii al'manakh*, 2021b, no. 1–2, pp. 310–328. (In Russ.)
- Borisov S.A. Chekhi sredi serbov i khorvatov: obzor sotsiolingvisticheskoi ekspeditsii 2022 g. *Slavianskii al'manakh*, 2023, no. 1–2, pp. 231–248. (In Russ.)
- Borisov S.A., Pilipenko G.P. Cheshsko-serbsko-rumynskije iazykovyye kontakty v rumynskom Banate na materiale polevogo issledovaniia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, no. 459, pp. 15–26. (In Russ.)
- Bošnjaković Ž. Karakteristike makedonsko-srpskog bilingvizma. *Južnoslovenski filolog*, 2008, no. LXIV, pp. 21–33. (In Serb.)
- Dorđević S. Poluprazne klupe u slovačkim odeljenjima. *Storyteller*, 05.09.2023. Available at: <https://www.storyteller.rs/sr/poluprazne-klupe-u-slovackim-odeljenjima/> (accessed: 01.02.2024). (In Serb.)
- Dudok D. O slovenskom jazyku v Juhoslávii. Vedecké zošity. Báčsky Petrovec, Kultúra Publ., 1996, 202 p. (In Slovak.)
- Dudok M. Zachránený jazyk. State o enklávnej a diasporálnej slovenčine. Nadlak, Ivan Krasko Publ., 2008, 205 p. (In Slovak.)
- Durdev B. *Posleratno naseljavanje Vojvodine: metodi i rezultati demografske analize naseljavanja Vojvodine u periodu 1945–1981*. Novi Sad, Matica srpska, 1995, 203 p. (In Serb.)
- Ferenčíková A. Poznámky o fungovaní predložky za v slovenských nárečiach vo Vojvodine. *Godišnjak za srpski jezik Filozofskog fakulteta u Nišu*, 2014, year 25, no. 13, pp. 601–606. (In Slovak.)
- Gaćeša N. *Agrarna reforma i kolonizacija u Jugoslaviji, 1945–1948*. Novi Sad, Matica Srpska Publ., 1984, 403 p. (In Serb.)
- Gibianskii L.Ia. Po sovetskemu obraztsu: pervye gody kommunisticheskogo pravleniiia. *Iugoslavia v XX veke: Ocherki politicheskoi istorii*, ed. K.V. Nikiforov, Moscow, Indrik Publ., 2011, pp. 525–566. (In Russ.)
- Glovňa J. Stav vojvodinskej slovenčiny ako enklávneho jazyka. *Slavica Slovaca*, 2018, year 53, no. 3–4, pp. 86–93. (In Slovak.)
- Lagno A.R., Pilipenko G.P. Dnevnik zhitelia Galitsii Stepana Fedorovicha Lagno kak ob"jekt istoriko-lingvisticheskogo analiza. *Tsentral'noevropeiskije issledovaniia*, vyp. 4(13), ed. O.V. Khavanova, Moscpw, Institut slavianovedeniia RAN Publ., Saint-Petersburg, Nestor-Istorija Publ., 2021, pp. 359–387. (In Russ.)
- Nábělková M. Rozdelenie a «vzdaľovanie»: niekoľko pohľadov. *Česko-slovenská vzájemnosť a nevzájemnosť*, eds. I. Pospíšil, M. Zelenka, 1. vyd., Brno, Masarykova univerzita Publ., 2000, pp. 104–112. (In Slovak.)

- Stanković S. Makedonci i Makedonski jezik u Republici Srbiji – Pro et Contra. *Skrivene manjine na Balkanu*, ed. B. Sikimić, Beograd, SANU Publ., 2004, pp. 41–50 (In Serb.)
- Stanković S., Labroska V. Za srpsko-makedonskata jezična interferencija na morfosintaksičko ramnište kaj Makedoncite vo južen Banat. *Putevima srpskih idioma: zbornik u čast prof. Radivoju Mladenoviću povodom 65. rođendana*, Kragujevac, 2015, pp. 241–253. (In Maced.)
- Stevanović M. *Savremeni srpskohrvatski jezik. (gramatički sistemi i književnojezična norma)*. Knj. II: Sintaksa, Beograd, Naučna knjiga Publ., 1989, 942 p. (In Serb.)
- Trifunoski J. *O posleratnom naseljavanju stanovništva iz NR Makedonije u tri banatska naselja – Jabuka Kăcarevo i Glogonj*. Novi Sad, Matica srpska Publ., 1958, 43 p. (In Serb.)
- Usikova R.P. *Grammatika makedonskogo literaturnogo iazyka*, Moscow, Muravei Publ., 2003, 376 p. (In Russ.)
- Vashchenko D.Iu. K spetsifikke var'jirovaniia v strukture nadgrobnykh nadpisei u gradishchanskikh khorvatov Iuzhnoi Slovaki i Vengrii (po materialam polevykh issledovanii). *Slavica Slovaca*, 2020, year 55, no. 3, pp. 359–367. (In Russ.)
- Vidoeski B. *Dijalektite na makedonskiot jazik*, t. 2, Skopje, MANU Publ., 1999. 250 p. (In Maced.)

Received on 10.02.2024

Accepted on 29.03.2024

Информация об авторе:

Борисов Сергей Александрович
младший научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-2321-9983;
E-mail: borisovsergius@gmail.com

Кикило Наталья Игоревна
кандидат филологических наук,
научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
доцент Национального исследовательского
института «Высшая школа экономики»
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-2151-6634;
E-mail: kikilo.natalia@gmail.com

Немчинов Владислав Алексеевич
исполнитель проекта
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация;
ORCID: 0009-0002-2775-1982;
E-mail: vlad@gecko.ru

Information about the author:

Sergej A. Borisov
Junior Research Fellow
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-2321-9983
E-mail: borisovsergius@gmail.com

Natalia I. Kikilo
PhD. (Philology),
Research Fellow
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Docent, National Research University
«Higher School of Economics»
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-2151-6634;
E-mail: kikilo.natalia@gmail.com

Vladislav A. Nemchinov
Project executor
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0009-0002-2775-1982;
E-mail: vlad@gecko.ru